

КОРОТКИЙ РАССКАЗ — ОДНА ИЗ МАЛЫХ ФОРМ КОМИ ПРОЗЫ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В.: ОСОБЕННОСТИ МИРООСМЫСЛЕНИЯ*

Татьяна Кузнецова (Сыктывкар)

Абстракт:

В статье рассматривается одна из активно развивающихся малых форм современной коми прозы – короткий рассказ, что являет сугубо индивидуальную художественную организацию: произведения каждого из писателей – особое художественное явление. Выявлены особенности семантики, черты художественного своеобразия данного жанра; особое внимание уделяется авторской форме коротких рассказов – «Капелькам жизни» А. Попова.

Ключевые слова: коми литература, короткий рассказ, рассказ-событие, комическое происшествие, притча, воспоминания

The Short Story – One of Small Forms of the Komi of Prose of the End of XX – of the Beginning of the XXI Century: Features of a Miroosmysleniye

Abstract:

In clause one of the actively developing small forms of modern Komi prose – short story, that is especially individual art organization is considered: products of each of the writers – special art phenomenon. The features of semantics, feature an art originality of the given genre are revealed; the special attention is given to the author's form of the short stories – “Drops of life” A. Popova.

Key words: Komi literature, short story, story-event, comical incident, parable, memoirs

Способы художественного осмысления современности находят воплощение и в жанре короткого рассказа (произведения А. Вурдова, А. Мишариной, А. Одинцова, А. Попова, С. Раевского, А. Ульянова, Ю. Яковлева и др.). Подобные жанровые формы В. И. Тюпа называет микрорассказами и сверхкороткими рассказами.

* Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

¹ ТЮПА, В. И.: «Дракон» Е. Замятина и жанровая природа рассказа. В: Тюпа, В. И.: Лицо и стиль. Сб. науч. ст. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2009, с. 214.

«...Времена эпопей – времена уверенности в познаваемости мира, социального и природного, времена «к. р.» (короткого рассказа – примеч. наше. – Т. К.) – времена мистики, чувства непознаваемости мира, полного безвластия над тайнами общества и природы», – думается, к вполне справедливой мысли приходит критик Н. Елисеев². В размышлениях о природе короткого рассказа особую значимость обретают и слова Ю. Б. Орлицкого: «Современный минимализм – это не традиционная миниатюристика, во все времена присутствующая в литературной практике, как правило, на её периферии. Опираясь на объективно сложившуюся в литературном процессе тенденцию к последовательному уменьшению размеров художественного текста, минимализм прокламирует свою исключительную состоятельность в современной литературной ситуации, способность вытеснить и полностью заменить все остальные жанры литературы»³.

Художественная организация короткого рассказа, как, видимо, и других малых форм комы прозы, весьма непростая. Во-первых, она сугубо индивидуальна. Короткий рассказ – в высшей степени отражение субъективного видения мира: произведения каждого автора представляют особое художественное явление. Действительно: «... почти каждый автор, написавший хотя бы несколько произведений малой прозы, создает собственную жанровую и структурную модель этой формы [...] Вместе с тем можно говорить об обобщенных моделях»⁴. В связи с этим, видимо, следует указать и на специфичность рассказа как художественного образования. «Что такое рассказ, точно не установлено, хотя в ряде национальных научных традиций имеется специальный термин и сложилось представление о какой-то особой малой прозаической форме, не являющейся новеллой или повестью», – думается, близки к истине в замечании исследователи⁵.

В большинстве своем короткий рассказ, получивший развитие в комы прозе порубежья, связан с устно-поэтическими жанрами и тяготеет к изображению необычного происшествия, события, эпизода из жизни героя; авторы не устают удивляться, радоваться неожиданным краскам жизни. Короткий рассказ во многом близок миниатюре; но, на наш взгляд, миниатюра – комическое происшествие, в отличие от короткого рассказа – события, – это все-таки преимущественно запись об оном, фиксация мимолетного впечатления, вдруг воскресшего в памяти события. Жанровую природу

² ЕЛИСЕЕВ, Н.: «К. р.», или Прощание с юностью. ЕЛИСЕЕВ, Н.: Новый мир. 2000, № 11, с. 190.

³ Орлицкий, Ю. Б.: Стих и проза в русской литературе: Москва, РГГУ, 2002, с. 623.

⁴ Там же, с. 275.

⁵ КУДРИНА, М. В.: Автор и герой в рассказах И. А. Бунина В: Кормановские чтения: материалы Междунар. конф. «Текст – 2000», Ижевск, апрель, 2001 г. Ижевск, Удмуртский гос. ун-т, 2002, вып. 4, с. 143.

отдельных произведений сложно определить, её составляет симбиоз пограничных жанров (в некоторых случаях, видимо, уместно определить жанр произведения и как миниатюры, и как короткого рассказа).

Среди коротких рассказов особое место занимают произведения, воссоздающие личный опыт писателей, запечатлевающие их воспоминания (сознание общества, переосмысливающего духовный опыт, органично связано с культурой сказа, во многом определяющей поэтику рассказа). В связи с тем, что значимую художественную роль играет речь повествователя, лирический тон и юмор, передающие теплое отношение автора, определяют тональность рассказа. Большая часть произведений – рассказы, повествующие о курьезном происшествии, которое основывается на недоразумении, досадном недопонимании. Так, повествователь в коротких рассказах И. Ногиева не обнажает своего отношения, но именно нейтральный тон, отсутствие развернутого комментария вызывает комический эффект (рассказы «Кыдзи нӧ рочнас?» – Как это по-русски?, 2004; «Урок вылын» – На уроке, 2004 и др.). Так, излагая событие о том, как мальчик, услышав, что учительница назвала воду аждвао, решил, что это – русское название воды, повествователь не выражает своего отношения. Недопонимание, не поясненное автором, но понятное современному читателю, вызывает комический эффект (рассказы «Кыдзи нӧ рочнас?»). И в рассказах А. Одиноца калейдоскоп забавных происшествий представлен почти без комментариев автора; невозмутимый тон, которым ведется повествование о явно нелепых, смешных ситуациях, вызывает улыбку (произведения «Пернаа ыж» (Овца с крестом на шее, 1997), «Велӧдіс» (Прочил, 1997), «Бурдӧдіс» (Вылечили, 1997) и др.).

Весьма своеобразный характер имеет природа коротких рассказов Ю. Яковлева. Его короткий рассказ – в полном смысле этого слова мини-рассказ; специфика дарования автора позволяет «свернуть» традиционный рассказ, сохраняя при этом все его особенности. В нем словно причудливо сконцентрирована художественная энергия «обычного», классического рассказа: короткие рассказы Яковлева отличаются от него только объемом. Именно о таких малых эпических формах В. И. Тюпа пишет: «Сверхкороткий рассказ представляет собой, как правило, не ослабление, а заострение, концентрацию присущих ему жанровых характеристик»⁶. Произведения Ю. Яковлева искрятся светом таланта. Особое место среди его коротких рассказов занимают произведения, связанные с воспоминаниями о детстве, родных местах; картина мира словно освещена лучистым взглядом автора. Деревенское детство изображается с теплотой (рассказы «Тупли гоз» (Пара тувель, 2002), «Репин» (2002), «Война пас» (След войны, 2002). «Уна-ӧ

⁶ ТЮПА, В. И.! Указ. соч. 2009, с. 214.

колѝ дзольа мортлы. Дзескыд вильышпозлы ай-мам сойборд улын. Кыскѝ сѣшайтѝс ѣртасьны муса вѝр-вакѝд: лунтыр котравны паськыд му вывті либѝ ур моз кавшасьны мича льѝм пу вылѝ да пѝттѝдз чѝсмасьны юмов вотѝсѝн. Он куж и висѣтавны, мыйта колѝ лышкыд сьѝлѝма посни войтырлы!» (Много ли надо маленькому человеку. Тесно непоседе под родительским крылом. Тянет дорогого (дословно – сто рублей) дружить с милой сердцу природой: целый день бегать по просторам земли либо, подобно белке, взобраться на красивое дерево черемухи и досыта наслаждаться сладкой ягодой. Не сумеешь и высказать, сколько надо малым – народу с щедрым, открытым сердцем! Здесь и далее перевод подстрочный наш. – Т. К.) – восклицает в упоении писатель (рассказ «Ягов-ты» (Озеро Ягов, 2000).

В коротких рассказах А. Ульянова весьма выразительные формы находят субъектное начало (в отличие от его рассказов с развитой фабулой). При том, что в коротких рассказах автор концентрирует внимание на конкретном происшествии, в них ярко выражено мироотношение автора. У читателя создается впечатление, что автор изображает данное событие, чтобы выразить отношение к миру, продемонстрировать готовность бесконечно радоваться и восхищаться жизнью; неспроста герой его рассказов – человек юного возраста, мальчик. В коротких рассказах Ульянова нашла выражение некая полнота лирического ощущения жизни, каковой нет в его рассказах с развитой фабулой. Всепоглощающее добро, тихая радость, освещающие произведения Ульянова, рождают у читателя светлое чувство. Рассказы Ульянова – своего рода откровение: настолько личные, сокровенные чувства и ощущения в них обнажены. Так, тайное желание подростка побывать на рыбалке, тихая радость и гордость выражены в рассказе «Бѣтва дырйи» (В половодье, 2003). Теплое чувство заполняет душу героя рассказа «Сырчик поз» (Гнездо трясогрудки, 2003) при участии в добром деле – заботе о птичьей семье, и автор ведаёт об этом трепетно. А в рассказе «Кѝрт дадѝ» (Железные санки, 2003) автор тонко и убедительно показывает внутреннее состояние маленького героя, имеющего тайное желание получить в подарок железные санки. Автор любит мир детства, с доброй улыбкой наблюдая его особенности. В отношении автора скрыта особая энергия тепла, что и «организует» произведения. Короткие рассказы Ульянова лиричны, они весьма близки к лирической миниатюре.

Циклы коротких рассказов В. Лодыгина и А. Вурдова – особое явление малой коми прозы периода порубежья. В осмыслении драматичной современности обращаясь к народному опыту, фольклорным источникам, писатели пытаются познать народный характер, основы традиционной культуры. Так, в цикле рассказов А. Вурдова «Кывтѝны-катѝны (удораса сѣрни-басни)» (Плывут по течению – поднимаются против течения (удорские разго-

воры – побасенки), 2007) изображение курьезных, комических происшествий освещено теплым, любовным отношением. Даже особенности стилизации речи повествователя обусловлены пафосом любования, что исходит из глубин текста. В нелепых ситуациях открываются сила и слабость народного характера, вечное, несокрушимое движение жизни; в представлении автора народ велик даже в несообразностях, столь часто рождаемых повседневной будничностью. «Вот кутшӧмӧн вӧлӧма Бомӧ Микӧл: и тешкодъ, и сьыллысь, и уджач, и вежӧра, и шань. И курыд ва радейтысь» (Вот каким был Бомӧ Микӧл: и забавный, смешной, странный, и поющий, и трудолюбивый, и умный, и хороший. И горькую воду любящий), – пишет автор об одном из героев (рассказ «Бомӧ»). Малая проза Вурдова наделена некоей эпической силой, органично сопряженной с его отношением к миру. Его рассказы – это раздумья о жизни народа, его истории; в представлении автора судьба народа, воплотившаяся в его истории – это исполненное достоинство, могучее шествие по жизни во имя упорения ее нравственных основ. Взгляды автора на жизнь освещены некоей утверждающей силой. Образ Макся Ёгора – главного героя цикла рассказов В. Лодыгина «Макся Ёгор шмонитӧ» (Макся Ёгор шутит, 2007) – имеет прототип; о реально существовавшем лице, послужившем прообразом для создания литературного персонажа, устные рассказы и ныне бытуют в Усть-Куломском районе Республики Коми.⁷

Примечательно, что художественные поиски малой прозы нашли весьма выразительную авторскую форму коротких рассказов цикла «Олӧм войтъяс» (Капельки жизни), обретенных пером А. Попова. Начав публиковать небольшие рассказы под заглавием «Олӧм войтъяс», А. Попов из года в год выпускает в свет произведения, формирующие цикл. Думается, несмотря на некоторые черты, сближающие произведения А. Попова цикла «Олӧм войтъяс» с миниатюрой, произведения А. Попова всё же относятся к жанру рассказа (хотя жанр некоторых его произведений можно определить и как короткий рассказ, и как миниатюру). На наш взгляд, в данном случае актуально утверждение исследователей о том, что рассказ – «прозаическое произведение малого эпического художественного пространства, в котором реализуется законченная мысль автора»⁸.

Жанровая палитра коротких рассказов А. Попова тяготеет к разнообразию. Наполняя бесхитростные сюжеты семантической значимостью, автор

⁷ Об этом: РОЧЕВ, Ю. Г.: Анекдот Республика Коми: Энциклопедия. В 3-х т., т. 1. Сыктывкар 1997, с. 226; РАССЫХАЕВ, А. Н.: Проблемы возникновения и бытования поздних устных нарративов (на примере коми анекдотических рассказов о Макся Ёгоре) Вестник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005, № 1 (1), с. 13–16.

⁸ ЗАЙКА, В. И.: Поэтика рассказа Новгород, Изд-во НГПИ, 1993, с. 9.

словно утверждает вечность и незабываемость устоев жизни. В данных произведениях находит выражение народная мудрость, что, видимо, и формирует нравственные основы жизни; именно это свойство придает глубину небольшим по объему зарисовкам. Своеобразие коротких рассказов А. Попова в том, что семантика изображенных в его произведениях повседневных, знакомых читателю житейских ситуаций получает некое обобщающее значение. Этому содействуют и особенности повествования. Автор таким образом строит текст, что немногословное повествование, вербально не выражающее отношение автора, рождает подтекст. То обстоятельство, что автор не находит нужным индивидуализировать характеры, обогащать деталями и незаметными на первый взгляд подробностями изображаемую картину, также придает ей обобщенный характер. Так, сюжет о том, как чудодейственное лекарство, которое герой произведения передал матери, а та – своему отцу, вновь попало к нему («Лекарство», 1991), насыщается глубоким, даже символическим значением, в нем охарактеризованы извечные, сущностные, непреходящие жизненные ценности. В рассказах – эпизодах, связанных с глубинными явлениями жизни, неожиданно раскрываются особенности внутренней жизни героев, своеобразие их психологии («Письмо», 1987, «Думьяс» – Думы, 1987, «Шойччём» – Отдых, 1987 «Вётъяс» – Сны, 1994). Так, в рассказе «Вётъяс» при отсутствии черт индивидуализации открываются переживания, ощущения героя. Обращаясь к традиционному приему раскрытия внутренней жизни героя – изображению сна –, открывая потаенные сферы сознания, автор удивительно точно и достоверно воссоздает житейские, узнаваемые перипетии. Достаточно подробно автор описывает психологическое состояние героя, которого мучают тревожные сны и преследует женский голос, зовущий на помощь. Финал произведения, основанный на неожиданном повороте сюжета, вызывает грустную иронию. Перебрав в уме всех близких ему женщин, узнав об их состоянии, по дороге к одной из них герой забежал к родителям, у которых давно уже не был. Автор не высказывает своего отношения, не характеризует чувства и переживания героя, которого внезапно известили о том, что мать в тяжелом состоянии увезена в больницу. Особую художественную роль играет композиционная структура рассказа, в частности, финал, а также эффект неожиданности (неожиданный поворот мысли, действия), что характеризует особенности художественного мышления писателя (произведения «Думьяс», «Вётъяс», «Номьяс» (1987), «Шойччём»). Думается, данная особенность композиции указывает на генетическую связь короткого рассказа с новеллой⁹ (хотя, на наш взгляд,

⁹ В частности, о близости притчевых форм малой прозы с новеллой: МЕЛЕТИНСКИЙ, Е. М.: Историческая поэтика новеллы: Москва, Наука, 1990, с. 246.

в целом новеллистичность не характерна для художественного мышления А. Попова). Видимо, в данном случае имеет место форма выражения художественного явления, характеризую которую исследователи вполне справедливо отмечают: «Новелла латентно скрыта везде, где есть стихия, сфера рассказывания, осознаваемая как художественная. Тогда новелла выступает как вполне естественное оформление процесса рассказывания, как некоторый простейший структурный элемент этого процесса, вычлняющий в нем осмысленные части»¹⁰.

Финал многих рассказов данного цикла, основанный на неожиданности, содержит емкую фразу; именно в ней заключен основной смысловой акцент. Так, в рассказе «Думъяс» дороге сердцу героини воспоминания о том, как ее дети, будучи маленькими, слушали ее рассказы, получают совершенно неожиданный поворот. «Сійõ оз кõсйы, медым челядыс шõра-костас босьтõмõн узьтõдлõсны. Сылы сõмын колõ, медым найõ сйõс индомсьыс ас орданыс босьтõсны» (Она не хочет, чтобы дети по обоим сторонам от неё ложились, оберегая её во сне. Ей надо лишь, чтобы они её из индома к себе забрали), – заключает автор. Неожиданный финал рассказа позволяет почувствовать читателю, как одиноко и тягостно на душе у героини, которой отказали во внимании даже ее дети. Одна из особенностей психологизма коротких рассказов А. Попова в том, что автор не прибегает к индивидуализации характера; его психологизм характеризует, изображает утвердившееся, принятое обществом явление. У читателя создается впечатление, что автор ведет речь о вечном, воссоздавая жизнь в ее неизменности. Наличие заключительной фразы выражает и стремление автора подытожить, сделать выводы; многие из произведений данного цикла содержат подобную концовку. Думается, в исследовании особенностей художественного мышления А. Попова важно отметить, что автор чувствует необходимость в назидании; дидактизм скрыт: будучи не выражен вербально, он ощутим в особенностях воссоздания картин жизни. Видимо, тяготение к постановке общезначимых, нравственных проблем, а также определенные особенности художественного мышления А. Попова позволяют вести речь о близости некоторых элементов его коротких рассказов к притчевым. Более того, из-под пера А. Попова выходят короткие рассказы, аллегорические образы героев которых насыщены символическим значением: это собственно притчи (их не так много: рассказы «Номъяс», (Комары, 1990); «Пуяс» (Деревья, 2001) Изображая убедительные в своей предметности сцены, автор насыщает их глубоким содержанием. «Притчеобразность вообще характерна для прозы второй половины XX столетия, ищущей выход

¹⁰ МИХАЙЛОВ, А. В.: Новелла Теория литературы, т. III: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). Moskva, ИМЛИ РАН, 2003, с. 248.

к нравственным первоосновам человеческого существования, стремящейся к экономии средств выражения», – замечено Нефагиной Г. Л.¹¹

Для данного типа рассказа, с одной стороны, характерна свойственная притче простота¹², с другой, – эффект отсутствия авторского отношения при описании действий и событий. «Всеобъемлющий взгляд с позиции возвышенного однообразия вечности на внешнее многообразие человеческой жизни – кульминация притчевого мировидения», – справедливо утверждают исследователи¹³.

Как и в притче, в этом типе рассказа особую художественную функцию несет финал: чаще всего он неожиданно нарушает логику изложения и обнажает скрытую доселе мысль. Заключительная часть произведения, в которой скрыта мораль (налицо близость данной формы малой прозы и с басней)¹⁴, привносит ощущение емкости и смысловой насыщенности. Так, в рассказе «Пуяс» (Деревья, 2001) автор повествует о том, что при строительстве дома сначала вырубаются все деревья, возводится дом, а после деревья вновь высаживаются, и люди долго ждут, когда они вырастут. Раздумья о том, что при вырубке было бы лучше оставить несколько деревьев, чтоб они радовали глаз, органично переходят в заключение (оформленное в отдельный абзац), в котором автор сетует, что во всех случаях многотрудной жизни люди действуют подобно. Аллегория основана на сравнительной связи, что установлена в заключительном абзаце: аллегорический образ требует специального комментария. Вполне убедительно исследователи поясняют специфику художественного воздействия параболы, что лежит в основе притчи: «При пояснении абстрактного тезиса требуется некий конкретный, представимый, «наглядный» факт, своего рода «картинка», описанная словами, и вследствие этого развернутая во времени. Но очевидно, что эта «картинка» потому и «наглядна», что узнаваема и одновременно освобождена от случайных черт, изъята из конкретного

¹¹ НЕФАГИНА, Г. Л.: Русская проза второй половины 80-начала 90-х годов XX века: учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов. Мн.: Экономпресс, 1997, с. 77.

¹² «Тропенстика в притче предельно упрощена», – справедливо отмечено литературоведами. БЕРЕГОВСКАЯ, Э. М.: Поэтика современной притчи. Филологические науки, 2007, № 1, с. 43.

¹³ ТЮПА, В. И.: Художественность чеховского рассказа. Москва, Высшая школа, 1989, с. 27.

¹⁴ В частности, Выготский, Л. С., различая прозаическую и поэтическую басни, к первой относит притчу: ВЫГОТСКИЙ, Л. С.: Психология искусства: Москва, Искусство, 1968, с. 137.

времени и пространства и погружена во время и пространство как таковы»¹⁵.

Тяготение к ситуативному юмору, внешнему комизму, что характерно для А. Попова, обусловило рождение рассказов – комических происшествий, вошедших в цикл «Олём войтъяс». Несообразности, вызывающие комический эффект, воссоздают изменчивый в противоречивости лик жизни. Так, в рассказе «Теш» (Шутка, каверза, 1991) шуточный розыгрыш открывает характер человека неугомонного, действенного, готового к неожиданным метаморфозам. К данной жанровой разновидности короткого рассказа близка еще одна из форм миниатюристики – короткие рассказы цикла «Висервожсаяс шмонитёны» (Сельчане с Вишеры шутят, 1991) А. Попова (рассказы «Вот ёд тёдтёгьд» (Вот ведь не зная-то), «Сын, пиё, сын» (Язь, сынок, язь). Комический эффект в данных рассказах вызывается курьезностью ситуаций, лингвистическими средствами (использование диалектизмов, полисемии, омонимии). Забавные случаи, изображенные в произведениях, словно непосредственно воссоздают жизненный опыт: настолько живо, достоверно и убедительно они представлены.

Итак, короткий рассказ, в полной мере представляя художественные возможности малой прозы, являет сугубо индивидуальную художественную организацию: произведения каждого из писателей – особое художественное явление. Короткий рассказ во многом близок миниатюре; большая часть коротких рассказов – одна из форм лирического переживания жизни. Изображая происшествие, случай из прошлого, авторы ощущают необходимость в выражении чувств и ощущений: в данном случае воспоминания – одна из форм осмысления опыта. Будучи связан с традициями устного народного творчества, рассказ насыщается и комическими красками. Наряду с изображением комических происшествий, эпизодов жизни, освещающих глубинные, значимые явления, особенности внутренней жизни героев, рассказ тяготеет и к притчевым формам.

¹⁵ ВОРОБЬЕВА, Е.: Заметки о малых прозаических жанрах Новое литературное обозрение, 1999, № 38, с. 295.